

На правах рукописи

Жаркая Варвара Юрьевна

«СПЕЦИФИКА РАБОТЫ С ИСТОЧНИКАМИ ВО “ВСЕМИРНОЙ ХРОНИКЕ”
МИХАИЛА ГЛИКИ: ТВОРЧЕСТВО КОМПИЛЯТОРА»

Специальность 10.02.14 – классическая филология, византийская и
новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва 2013

Работа выполнена в Институте Высших Гуманитарных Исследований
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Российский Государственный
Гуманитарный Университет» (РГГУ)

Научный руководитель: доктор исторических наук
Иванов Сергей Аркадьевич
Институт Высших Гуманитарных
Исследований РГГУ

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Афиногенов Дмитрий Евгеньевич
Институт всеобщей истории РАН
ведущий научный сотрудник

кандидат исторических наук
Авилушкина Людмила Тимофеевна
Санкт-Петербургская государственная
академия театрального искусства

Ведущая организация: Институт славяноведения РАН

Защита состоится «14» июня 2013 года в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском Государственном
Университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1,
Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 года.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Савельева О.М.

В XII веке в византийской интеллектуальной жизни происходят важные изменения: в словесности возрождаются давно забытые и складываются новые жанры, появляется фигура литератора, живущего на гонорары, предметом художественной рефлексии становится народный язык; в это же время зарождается византийская филология. Невероятную популярность приобретает астрология, считавшаяся серьезной наукой. В творчестве Михаила Глики, которому посвящена эта диссертация, можно узнать многие черты его эпохи: ему принадлежит поэма на народном языке; его филологические интересы отразились в составлении сборника пословиц; в своих Богословских письмах он большое внимание уделяет анти-астрологической полемике. **Объектом** же нашего исследования является *Всемирная Хроника* Глики, *Viblos chronike*,¹ представляющая собой компилятивное сочинение и по своему характеру, на первый взгляд, выбивающаяся из яркого литературного контекста эпохи.

Жанр всемирной хроники также переживает в XII в. второе рождение и дает такие оригинальные плоды, как поэтическая хроника Константина Манассии или политический памфлет Иоанна Зонары. Сочинение Глики на этом фоне выглядит бледно. Однако, как мы постараемся показать, само количество и разнообразие источников, привлекаемых нашим хронистом, а еще более прихотливый способ их переработки скрывает непростой творческий замысел автора.

Гликино сочинение охватывает период от Сотворения Мира до 1118 г. Первую четверть памятника занимает обширный трактат о шести днях Творения, строящийся на святоотеческой и предшествующей византийской традиции, но включающий также колоссальный материал, почерпнутый из античной естественнонаучной литературы. Далее последовательно излагается библейская, античная и византийская история. По причине колоссального объема памятника детальному анализу в диссертации подвергаются избранные отрывки (42% текста): из шестодневного раздела – рассказ о Втором (создание тверди), Четвертом (создание звезд), и Пятом (создание рыб и птиц) и части

---

¹ Michaelis Glycae *Annales* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1836

Шестого (сотворение зверей) днях, из исторического раздела – римская история от Тиберия до Адриана, и византийская от Константина Великого (303 г.) до Константина Мономаха (1057 г.).

Главный предмет исследования – метод работы Глики со своими источниками и принципы построения из переработанных текстов – собственного нарратива.

Степень изученности темы

Первая работа о Глике была опубликована «отцом византистики» К.Крумбахером², но он посвятил *Хронике* лишь пять страниц общих, хотя и проницательных наблюдений. После Крумбахера наш хронист впал в забвение на 90 лет. Первой источнику исторического раздела *Хроники* почти исчерпывающим образом отождествила в своей неопубликованной диссертации С.Мавромати-Катсуянопулу в 1984 году³. Мавромати раскрывает техническую сторону работы Глики, классифицирует его приемы обращения с текстом источников. Однако работа Мавромати носит по преимуществу источниковедческий характер, она мало интересуется тем, как Глика создает новые смыслы из старого материала.

Что касается шестодневной части *Хроники*, то здесь Мавромати проделана лишь небольшая часть работы по отождествлению источников⁴, и потому в этой части диссертации нам приходится попутно решать и множество собственно источниковедческих задач.

В отечественной науке единственное объемное исследование *Хроники* принадлежит Л.Т.Авилушкиной – это ее кандидатская диссертация, также не

---

² K. Krumbacher. Michael Glycas. Eine Skizze Biographie und seiner litterarischen Thaetigkeit nebst einem unedirten Gedichte und Briefe desselben // Sitzungsberichte der philos.-philol. U. Hist. Cl. D. K. Bayrischen Akademie der Wissenschaften. München, 1894, H. III, 391-460, esp. 393-397

³ S.Mavromati-Katsougiannopoulou, *Η Χρονογραφία του Μιχαήλ Γλυκά και οι πηγές της (περίοδος 100 π.Χ.-1118 μ.Χ.)*. Thessaloniki, 1984

⁴ Σ.Μαυρομάτη-Κατσουγιαννοπούλου, Η Εξαήμερος του Μιχαήλ Γλυκά: Μία εκλαϊκευτική επιστημονική πραγματεία του 12ου αιώνα // Βυζαντινά 17 (1994) 7-70

опубликованная⁵. В ней, а также в ряде статей подробно разобрана рукописная традиция *Хроники* и раскрыты многие вопросы, касающиеся жанра сочинения Глики и его места в византийской литературе. Однако, за исключением нескольких важных наблюдений, Л.Т.Авилушкина не обращалась к проблемам того, как наш хронист работал со своими источниками.

Научная новизна работы

Византийская словесность до недавнего времени воспринималась либо как безликий источник исторических сведений, либо как неумелое подражание античным образцам. Лишь в самые последние десятилетия, усилиями таких ученых как А.П.Каждан, Я.Н.Любарский, М.Маллетт и др., византийскую литературу начали постепенно судить по имманентным ей самой критериям. Если говорить об историках, то первыми удостоились внимания, именно в качестве писателей, такие яркие фигуры, как Пселл или Хониат. Хронисты начали привлекать к себе внимание позднее (Э.Джеффриз, Р.Макридес, Д.А.Черноглазов), но Михаил Глика по-прежнему неизменно остается на периферии. Иногда внимание исследователей привлекала его «тюремная поэма», иногда – его высказывания по поводу астрологии, но до сих пор не была проанализирована как авторское произведение его *Всемирная Хроника* – сочинение от начала до конца компилятивное, то есть вроде бы по определению не творческое.

Цель исследования - рассмотреть, как сквозь толщу чужих текстов проявляется авторское начало Глики, понять, чем он руководствовался, создавая свое сочинение, и по возможности распознать его собственные вкусы и взгляды, то есть попытаться подойти к *Всемирной Хронике* Глики не как к историческому источнику, а как к литературному произведению.

Мы разделили **задачи** на частные и общие:

Частные:

---

⁵ Л.Т.Авилушкина. "Хроника" Михаила Глики (XII в.) и ее роль в истории византийской культуры. Диссертация. СПб. 1996

1) Проследить, как Глика изменяет при заимствовании текст источника: что он сокращает, что опускает, нарушает ли он последовательность.

2) Выяснить, как автор дополняет сведения одного источника при помощи другого, как сочетает сведения из разных текстов, как рекомбинирует куски заимствуемых текстов.

3) Попытаться понять, почему он, используя подолгу один текст, вдруг отступает от него и обращается к другим сочинениям. Если используется несколько текстов одновременно, путем сравнения разных версий одного эпизода приблизиться к пониманию того, почему автор предпочел ту или иную из них.

4) Определить, в каких случаях Глика привносит что-то от себя и, не довольствуясь заимствованиями, говорит собственным голосом.

5) Проследить, каких авторов источников Глика упоминает, каких цитирует без указания на источник и допускает ли ложные атрибуции.

Общие задачи

1) Выяснить, создает ли автор смысловые связи, отсутствующие в источнике.

2) Установить, можно ли обнаружить какой-либо алгоритм в действиях компилятора: последовательно ли он выбрасывает или сокращает материал по определенным темам и тем самым попытаться определить, какие темы Глику привлекают больше и какие он не склонен освещать.

3) Выяснить, каково в его тексте соотношение церковного и светского, «священного» и «научного».

4) Понять, видит ли Глика жанровую разницу между текстами, которые он использует, и важна ли она для него.

5) Проследить, как автор сочетает тексты разных дискурсов, в том числе в рамках христианской традиции.

6) Составить общее представление о широте кругозора автора на основании источников, к которым он обращается, и круга тем, которые он освещает.

7) Приблизиться к пониманию того, к кому обращена *Хроника*, на какого читателя рассчитана.

Не отказываясь полностью от источниковедческого метода (в отношении шестодневной части), мы все же считаем основным метод филологического анализа, поскольку только сопоставление текстов с точки зрения смысла, языка, композиции повествования позволяют увидеть самобытные черты исследуемого текста и тем самым решить поставленные задачи.

В структуре работы рассмотрение исторической части предшествует анализу части шестодневной, хотя в самой *Хронике* эти части следуют в обратном порядке. Это обусловлено более прихотливым характером работы автора с источниками в рассказе о сотворении мира. Внутри каждой из частей построение материала «по авторам» дает возможность составить более широкое представление о степени знакомства хрониста с каждым конкретным сочинением и позволит понять, в чем Глика соглашается с автором и в чем оказывается не согласен. Этот принцип изложения полностью соблюдается во второй части работы, посвященной шестодневному разделу.

В первой же части, посвященной историческому разделу *Хроники* этот принцип будет нарушен лишь в одной главе, где описан эпизод, в котором автор использует одновременно несколько источников. В этом случае определение методов работы с текстами неотделимо от смысла, вкладываемого самим Гликой, его можно сохранить, только рассматривая источники в совокупности.

Основные положения, выносимые на защиту:

I. Сокращение источников проводится Гликой по следующему алгоритму: урезать описания войн; сокращать как антиязыческую полемику в шестодневной части, так и антиисламскую и антиеретическую полемику в исторической части *Хроники*. В шестодневной части *Хроники*, с одной стороны, убирается излишняя нравоучительность из христианских источников, а с другой – упрощается аргументация и терминология античных научных текстов.

II. Глика нередко нарушает нарративную последовательность источника: он произвольно переставляет – сравнительно с оригиналом – эпизоды внутри своего повествования. Благодаря этому приему, используемому в обеих частях *Хроники*, автор самостоятельно создает отсутствующие в источниках связи между событиями исторической части и явлениями шестодневной, творит новые смыслы.

III. В Гликином Шестодневе наблюдается смешение дискурсов, «научное» соседствует с богословским или христианско-нравоучительным. Однако, не видя дискурсивной разницы между «научным» и «священным», Глика прекрасно чувствует ее между двумя традициями богословского толкования: антиохийской и александрийской. Частые заимствования из аллегорического текста Анастасия Синаита всегда особо выделяются в тексте и противопоставляются другим христианским трактовкам.

IV. На протяжении всей своей *Хроники* Глика соединяет и перемешивает информацию из источников, принадлежащих к совершенно различным жанрам. Понятие жанра нивелируется, его границы размываются. В исторической части Глика использует поэтическую хронику Константина Манассии наравне с другими хрониками, совершенно не применяясь к поэтическому характеру языка и образности. Так же он поступает и с другими текстами: черты проповеди, присущие Шестодневу Василия Кесарийского, почти не видны в Гликином рассказе о днях творения.

V. Ввиду разного содержания исторической и шестодневной частей *Хроники*, стратегия подбора источников в них разная, однако и тут можно подметить общие черты: в обеих частях есть произведение, несущее функцию рамки, которая заполняется сведениями из других текстов: в шестодневной части это Василий Великий, в исторической – Георгий Монах.

VI. Анализ того, как Глика использует источники, привлекаемые им одновременно и в *Хронике*, и в его *Богословских письмах*, позволяет опровергнуть существующее в науке мнение, будто написание Писем предшествовало созданию *Хроники*. Можно предположить, что автор

осуществлял подготовительную работу по подбору материала на разные темы, и позднее этот материал по-разному использовался в двух трудах.

VII. В *Хронике* прослеживается использование ученых антологий, содержащих редкие сведения, в том числе и не имеющие параллелей в сохранившихся античных источниках.

VIII. Поиск источников приводимых Гликой сведений позволяет выявить места, где он говорит «собственным голосом», эти эпизоды в основном встречаются в шестодневной части: Глика рассуждает об актуальном вопросе его времени, о форме земли и неба. Отстаивая античную картину мира, он даже вынужден выражать несогласие со Златоустом.

IX. Жанр Гликиного сочинения может быть пересмотрен. Данный текст лишь по форме *Хроника*, по содержанию же текст близок к энциклопедии, сборнику разных сведений, где исторические события существуют на равных с сообщениями о природных явлениях. Вместе с тем от безликой энциклопедии Гликин текст отличает «ориентированность» автора на читателя, которая имеет непосредственное выражение в постоянных обращениях и увещеваниях, но которая также присутствует на уровне общего замысла, сочетающего познавательность, занимательность и назидательность.

Теоретическая значимость работы состоит в доказательстве того, что сама по себе компилятивность того или иного сочинения вовсе не исключает авторского начала. Работа «ножницами и клеем» может создавать новые смыслы, то есть быть столь же творческой, сколь и создание текста с нуля. Для общей оценки византийской литературы, с ее сознательной установкой на вторичность, цитатность и подражательность, - такой вывод может иметь важные последствия.

Практическое значение работы состоит в возможности использовать ее при построении общих и специальных курсов по истории византийской литературы, византийской историографии, а также при подготовке отсутствующего на сегодняшний день критического издания *Хроники* Глики с полным ссылочным аппаратом.

Апробация работы. Основные положения данной работы были представлены в виде докладов на конференциях: Quatrièmes rencontres internationales des doctorants en études byzantines, Institut national d'histoire de l'art, Paris 21-22 октября 2011; XXII International Congress of Byzantine Studies, Sofia, 22-27 August 2011; «Мечта и реальность» Конференция отделения византийской и новогреческой филологии СПбГУ 20-21 сентября 2008; XV Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» МГУ 8-11 апреля 2008; XIV Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» МГУ апрель 2007

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, Части 1 (Главы 1-4), Части 2 (Главы 5-8), Заключения и Приложения. Общий объем работы – 194 страницы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается важность темы, очерчиваются параметры и методы исследования.

Первая часть называется **Исторический раздел сочинения Михаила Глика** и состоит из четырех глав.

Глава 1 посвящена анализу того, как работает Глика со своим главными историческим источником: хроникой **Иоанна Скилицы** (XI в.). Здесь мы имеем дело с самым простым случаем эксцерпирования крупными кусками текста. Однако Глика многое изменяет при заимствовании из Скилицы, прежде всего он отказывается от указаний на год, важной детали хроникального изложения источника. Глава о Скилице делится на несколько параграфов: в параграфе 1.1 **Сокращение текста источника** рассматриваются случаи краткого изложения текста. Глика не просто передает эпизоды кратко, но опускает определенные пассажи: так, он заметно сокращает события внешней политики, в частности весьма мало места отводит войнам. Упоминание войн, если и встречается в его тексте, то выполняет определенную функцию, например, служит для характеристики императора. В параграфе 1.2 **Изменение**

смысла, привнесение нового смысла рассмотрены случаи, когда при помощи создания новых связей между эпизодами Глике удастся привнести смысл, отсутствующий в источнике. Параграф 1.3 **Глика не передает смысл, вкладываемый Скилицей** посвящен случаям, когда Глика, приводя эпизод из Скилицы, пренебрегает дополнительным смыслом, который имеет в виду автор, например, не передает богохульную шутку. В параграфе 1.4 **Незнакомство Глики с реалиями описываемой эпохи** перечислены случаи переосмысления текста источника в результате незнакомства с теми или иными явлениями, в частности с церемониалом. В параграфе 1.5 **Переосмысление на лексическом уровне** рассмотрены случаи, когда Глика использует слова источника в ином значении, что дает возможность изменить общий смысл. В параграфе 1.6 **Когда к Скилице добавляется Манассия?** рассмотрены немногочисленные случаи дополнения Скилицы отрывками из поэтической хроники, почти все случаи обращения к Манассии выдают желание придать эмоциональности и красочности тексту Скилицы.

Глава 2 посвящена работе Глики с самым популярным историком средневизантийской эпохи **Георгием Монахом**, писавшим в IX веке. Хотя по масштабу заимствований Георгий Монах уступает Скилице, все же можно признать, что для периода от Тиберия до 811 года монашеская хроника используется в качестве основного источника. Сочинение Георгия выполняет функцию своеобразной рамки для Гликиного повествования. Заимствуя текст Георгия, наш хронист, как и в случае со Скилицей, прибегает к сокращениям, однако опускает совсем иное (2.1). В монашеской хронике период правления римских императоров изобилует событиями церковной истории, у Глики их гораздо меньше, также значительно сокращено число полемических антиеретических отступлений. Уменьшает Глика и количество душеполезных историй, которые приводятся у Георгия в таком изобилии, что читатель забывает, что имеет дело с историческим повествованием. Глика сильно сокращает рассказ об Иудейских войнах, в результате чего он приобретает более провиденциалистический характер. Создание новых связей между

эпизодами и, как следствие, привнесение новых смыслов также характерно для работы Глики с этим источником (2.2). Подробно рассматриваются случаи дополнения Георгия из других источников (2.3). Особенно интересны эпизоды, в которых сочетаются сведения из Георгия Монаха и *Хроники* Манассии (2.3.1). На различных примерах из римской и византийской истории делается попытка объяснить стремление Глики использовать одновременно столь разные тексты. Также анализируются случаи, когда текст Георгия использован как обрамление, а сведения черпаются из других текстов, число которых иногда довольно велико.

В **главе 3** рассматривается обращение Глики с памятником, который был создан практически одновременно с его сочинением - стихотворной хроникой **Константина Манассии**. Рассмотрены случаи, когда Глика отдает Манассии предпочтение перед Георгием Монахом. Отдельное внимание сосредоточено на языковых заимствованиях из поэтической хроники, на том, что происходит с библейскими реминисценциями Манассии у Глики, и как он обходится с его эпитетами. Мы приходим к выводу, что Глика не воспринимал этот источник как поэтическое произведение, однако его яркость и эмоциональность побуждают нашего хрониста обращаться к тексту Манассии довольно часто.

Из всего исторического раздела повествование о **Константине Великом**, которому посвящена **глава 4**, является самым «сложным» с точки зрения насыщенности событиями и разнообразия использованных источников; этот сегмент *Хроники* не похож на другие. Путем анализа каждого сюжета и сопоставления общей картины, созданной Гликой, с изложением хронистов и агиографов, мы приходим к выводу, что Глику не устраивает ни один из вариантов истории - он, сочетая порой противоречащие друг другу «факты», выстраивает собственный рассказ. На первый взгляд кажется, что автор подбирает события таким образом, чтобы представить все историю Константина в качестве поступательного движения - последовательного преобразования императора и всей империи в духе христианства. Однако эпизод, избранный им в качестве финала всей биографии Константина, нарушает

последовательность и изменяет первоначальный смысл: он разрушает идеальный образ императора, напоминая о его грехах. Неоднозначное представление о первом христианском императоре, а значит и об императорской власти в целом, выражено у Глики всего лишь средствами компиляции. Тема грехов властителей рассматривается также на примере одного из писем Глики, специально посвященного данному вопросу.

В **главе 5** выводы всех глав сводятся воедино и подводятся итоги первой части работы.

Часть 2. Шестоднев Михаила Глики.

Вторая часть диссертации посвящена первому разделу *Хроники*, повествующему о днях творения; по размерам и широте освящаемых тем он превосходит не только начальные главы других всемирных хроник, но и собственно Шестодневы.

Глава 6 посвящена сопоставлению текста Глики с его основным источником - *Гомилиями на Шестоднев Василия Великого*. Попытка Отца церкви согласовать античные знания о мире с текстом Писания импонирует Глике и заставляет его обильно цитировать текст Василия. Вместе с тем, далеко не все находит место в повествовании Глики: он почти не заимствует риторических порицаний в адрес античных авторов. Чрезмерная назидательность Василия, особенно широко примененная в историях о животных, заставляет Глику «отрубать» (зачастую механистически) морализаторские выводы и подавать заимствованный текст в качестве полезных и интересных сведений. Смещение акцентов особенно заметно, когда к заимствованному из Василия эпизоду добавляются сведения из естественнонаучных источников на ту же тему. Помимо кладезя сюжетов, текст Василия представляет для Глики источник «верных положений», к которому он обращается, желая подкрепить свою позицию авторитетным мнением. Так, решая многие вопросы мироздания, по которым у византийских авторов нет единого мнения, он нередко берет Василия себе в союзники. А если нужных

для Глики «положений» не находится в *Шестодневе* Василия, он обращается к другим текстам того же автора.

Глава 7 посвящена анализу работы автора с другими христианскими источниками. Параграф **7.1** трактует обращение с *Шестодневом Анастасия Синаита*. Отрывки из него имеют особый статус в Гликином тексте, достаточно принять во внимание, что они всегда сопровождаются упоминанием имени автора, а нередко и обращением к читателю, которому предлагается послушать «возвышенное объяснение» того или иного явления. Таким образом, цитаты из Анастасия почти всегда маркированы и выбиваются из общего повествования по стилю и по содержанию: привычная житейская назидательность сменяется абстрактной аллегорией. Вместе с тем, нередки случаи, когда Глика вырывает слова Анастасия из контекста, лишая их первоначального смысла, и приводит в качестве «научных» знаний. Бывают даже случаи, когда тот или иной сюжет приводится **и у Василия и у Анастасия (7.2)**, а наш автор отдает предпочтение второму.

Глика обращается также к нескольким сочинениям **Феодорита Киррского (7.3)**. Особого внимания достойно использование трактата *Врачевание эллинских недугов*. В главе о Василии Великом уже шла речь о том, что Глика не заимствует полемических высказываний автора в адрес античных авторов, конкретные примеры «заблуждений» язычников из Феодорита подходят ему гораздо больше.

Иоанн Златоуст (7.4) занимает особое место среди христианских авторов, однако отношение к нему Глики неоднозначно. Так, он почти не использует Златоустовы *Гомилии на книгу Бытия*. Зачастую, видя имя Златоуста в Гликином тексте, мы имеем дело с «пустым авторитетом». Дело в том, что Глика не согласен с этим Отцом церкви по целому ряду вопросов мироздания, поэтому ему приходится либо искусственно подгонять цитаты из него под новый контекст, либо заверять читателей, что Златоуст «в домостроительных целях» говорит не так, как есть на самом деле - а затем самому излагать «правильную» версию. Порой Глика идет на хитрость и, не называя имени

Златоуста, еще более жестко высказывается насчет его «ошибочных» представлений.

К текстам **Иоанна Дамаскина (7.5)** Глика обращается нечасто, их функция подобна той, которую имеют выдержки из Златоуста. Вместе с тем, «трезвый» подход Дамаскина часто используется с целью смягчения слишком отвлеченных аллегорий Анастасия Синаита.

Отдельный параграф **(7.6)** посвящается сопоставлению некоторых отрывков *Хроники* с другим сочинением Михаила Глики - ***Богословскими письмами***. В науке нет единого мнения о том, предшествовала ли *Хроника Письмам* или наоборот. На примере сравнения нескольких отрывков мы стараемся показать, что работа велась автором в несколько этапов. Большое количество схожих эпизодов, как заимствованных, так и самостоятельных - указывает на то, что автор вел подготовительную работу, делая выписки на различные богословские темы, а позднее эти материалы использовались в обоих сочинениях. Об этом, в частности, может свидетельствовать небрежность, в результате которой мы встречаем ложную атрибуцию некоторых отрывков. Кроме того, на примере нескольких тем удастся показать, что автор не менял своих взглядов по важным вопросам **(7.7)**. Характер использования источников дает возможность предположить, что письма, позднее объединенные в сборник, писались параллельно с созданием *Хроники*.

Глава 8 посвящена обращению Глики к научным и псевдонаучным источникам. Сначала рассматриваются произведения византийского времени **(8.1)**. Самым удивительным образом наш хронист обходится с сочинениями **Михаила Пселла (XI в.) (8.1.1)**, одного из величайших интеллектуалов средневизантийского времени, эрудита, философа, богослова и историографа. В своем Шестодневе Глика использует различные сочинения Пселла, как научные, так и богословские, однако по имени его нигде не называет. Это позволяет подтвердить уже высказывавшуюся в византиноведении мысль, что в XII в., несмотря на официальный пиетет к Пселлу, его учение практически попало под запрет. Глика иногда заимствует из научных сочинений Пселла

длинные пассажи о тех или иных явлениях, однако нередко вторгается в текст с собственными замечаниями, что говорит о его собственных интересах и умении разбираться в теме. При помощи Пселла Глика дополняет христианско-наставительный текст Василия Великого, но и наоборот - подчас научные отрывки из Пселла получают христианское обоснование в Гликином тексте. Пселл старается передать «объективное» научное знание, для Глики это тоже важно, однако он, помня о принципе занимательности, не всегда готов излишне усложнять свой текст.

Сочинение **Феофилакты Симокатты** (VII в.) *Вопросы природы* (8.1.2) написано целиком в рамках античной «парадоксографической» традиции и никак не выдает христианских воззрений своего автора. При этом Глика не смущаясь иллюстрирует сведениями из Симокатты разные христианские концепции. Самый поразительный случай: Феофилакт рассказывает, что самки коршунов зачинают от ветра (пневмы) - Глика подхватывает эту мысль и приводит буквальное сравнение с «непорочным зачатием» Спасителя, где деталям истории о птицах находятся параллели в Писании.

При описании пятого дня творения Глика часто обращается к тексту **Физиолога** (8.1.3), однако сильно перерабатывает заимствованные из него сюжеты: видимо, наивное морализаторство источника представляется ему неуместным. В результате он либо обобщает слишком конкретные выводы источника, либо вовсе от них отказывается, приводя сам сюжет в качестве интересной «информации» о животных. Впрочем, у Глики прослеживается пользование и какой-то неизвестной нам редакцией Физиолога (8.1.4).

Далее рассматриваются **Античные научные тексты** (8.2), в первую очередь **Аристотель** (8.2.1), чье имя мы чаще всего встречаем в Гликиной *Хронике*. Особенно часто он упоминается в рассказе о сотворении животных, где приводится множество цитат из биологических трактатов *О частях животных* и *О происхождении животных*. Стоит вспомнить, что незадолго до Глики у интеллектуалов из кружка Анны Комнины возник интерес к тем произведениям Стагирита, которыми прежние ученые пренебрегали.

Некоторые сочинения, которые раньше не комментировались, обретают своего вдумчивого комментатора в лице Михаила Эфесского. Сравнение Гликиных заимствований с текстом Михаила не выявило практически никаких совпадений. Эфесский именно комментирует Аристотеля, тогда как Глика приводит отрывки из него, хотя и с некоторыми дополнениями и изменениями. Глика не следует единой манере эксцерпирования: в некоторых случаях он кратко пересказывает Аристотеля, почти не меняя при этом лексику источника, порой же приводит некоторые отрывки целиком, почти без изменений. Кроме того, он нередко дополняет текст источника. Иногда Глика соединяет вместе эпизоды, которые у Аристотеля отстоят друг от друга на десятки страниц, в прихотливом порядке. Это говорит о том, что наш автор не механистически приводит заимствованные отрывки один за другим, но продумывает свое повествование в целом. Другое дело, что в Гликином тексте заимствование из Аристотеля может быть вдруг прервано цитатой из Псалма. Нашего автора, кажется, совершенно не смущает разница дискурсов.

В ряде мест Глика упоминает Стагирита, но приводит при этом то банальное общеизвестное знание, а то, возможно, даже стих Анакреонта.

Если Аристотеля Глика наверняка читал самостоятельно, то про других авторов, которых он цитирует реже, этого с уверенностью утверждать нельзя: возможно, он почерпнул цитаты из вторых рук (9). Таковы «заимствования» из **Никандра Колофонского (9.1)**, **Элиана** (или текста, надписанного именем Элиана, но не совпадающего с тем Элианом, который известен сегодня) (9.2), **Олимпиодора (9.5)**, **Севериана Гавальского (9.6)**. Пожалуй, лишь пользование трудом «Древности Константинополя» **Псевдо-Кодина (9.4)** можно с уверенностью приписать прямому обращению, ибо тот же источник, но в совершенно других его частях, эксцерпирован Гликой в хроникальной части его сочинения. Интересным случаем является обращение Глики к стихотворному *Шестодневу* **Георгия Писиды (9.3)**

В тексте Глики есть сюжеты, чей источник не удалось установить - впрочем, сходные мотивы можно найти в других сочинениях. Есть только один

эпизод, который не поддается никакому отождествлению (9.7). Возможно, мы здесь имеем дело с редким случаем использования устных сведений. Аргументируя свою точку зрения о форме неба, хронист приводит не находящие параллелей сведения о длине светового дня в Британии.

Научный подход Глики достоин внимания, особенно в контексте его астрологической полемики с императором. На первый взгляд кажется, что Мануил Комнин отстаивал естественнонаучный подход к теме, тогда как Глика представлял традиционное мнение церкви. Однако в таком распределении ролей можно усомниться: о том, что в астрологической полемике между Мануилом и Гликой, помимо богословского аспекта, с Гликиной стороны был задействован еще и естественнонаучный, свидетельствует тот факт, что Глика опровергает мнение императора на основании медицинских знаний: привлекая сведения из Гиппократ и Галена, он оспаривает подхваченную Мануилом теорию Птолемея о влиянии планет на земные тела.

В параграфе 9.8 затронута одна из сложнейших проблем источниковедения Глики: форма, в которой он получал свои источники. Про многих авторов можно быть уверенным, что хронист читал их целиком и выбирал из разных мест их сочинений то, что ему казалось нужным. Однако в тех случаях, когда речь идет о единичных заимствованиях, вполне вероятно, что цитаты доставались Глике в готовом виде, из каких-то сборников. В нескольких местах следы подобных сборников можно у него найти. К сожалению, проблема бытования научных мисцелланий совершенно не исследована, а из физически сохранившихся образцов можно назвать разве что *Codex Baroccianus Graecus 131*. В диссертации приводятся два примера очевидных антологий: обширное собрание по античной «генетике» и «о змеях и ядовитых укусах». Каждая из них представляет интерес для антиковедения, ибо содержит сведения из десятков источников, отчасти даже неизвестных, но именно поэтому они не представляют интереса для нашей работы, ибо неясно, как именно Глика их сокращал или переделывал.

В **Заключении** делается попытка свести воедино все выводы о характере работы автора с текстами источников в двух разделах *Хроники*, а также общие соображения о знаниях автора, о темах, которые его волнуют и о задачах, которые он ставит, создавая *Хронику*.

Если по количеству источников Шестоднев намного превосходит исторический раздел, то характер их переработки имеет в двух разделах много общего.

Приемы, которые использует автор при заимствовании и обработке чужого текста, позволяют реконструировать общие принципы, на которых он строит свое повествование.

Самый частый прием - сокращение. Стремления рассказать кратко – вещь обычная, но детальный анализ того, как и что именно наш хронист сокращает, позволяет выявить определенные авторские стратегии:

1. из исторических источников Глика неизменно опускает описания войн, идет ли речь о сравнительно недавних конфликтах Византии с арабами, или о полуполюгендарных Иудейских войнах Рима.

2. сокращению подвергаются в одинаковой степени как антиязыческая полемика в шестодневной части, так и антиисламская и антиеретическая полемики в исторической части *Хроники*.

3. Глика стремится по возможности сжато излагать события церковной истории и «прореживает» душеполезные истории.

4. В шестодневной части *Хроники* автор, с одной стороны, убирает излишнюю нравоучительность из христианских источников, а с другой - упрощает аргументацию и выбрасывает чрезмерно специальную терминологию из античных научных текстов.

Подобно тому, как Глика для создания нужного эффекта переставляет исторические события, почерпнутые у Скилицы, он перемещает рассуждения об устройстве чего-то в мире, нарушая границы гомилий *Шестоднева* Василия.

Создание неожиданных связей между историческими событиями, откликается смелыми толкованиями явлений в рассказе о днях творения.

Подобно тому, как в историческом разделе *Хроника* Манассии привлекается для придания тексту большей «человечности», точно так же в шестодневной части *Физиолог* используется для оживления чересчур «научных» материй; роль рамки для повествования одинаково выполняют Василий Великий в шестодневном, а Георгий Монах в историческом разделе. Таким образом, к конкретному автору Глика обращается для решения определенной задачи.

С точки зрения источников, шестодневный раздел гораздо разнообразнее исторического, однако и в нем Глика привлекает иногда весьма экзотические источники и соединяет информацию причудливым образом, рассказывая общеизвестное по-своему.

Можно наблюдать определенную добросовестность автора при работе с источниками: если в заимствованном тексте упоминается первоисточник сведений, Глика нередко проходит по ссылке и уточняет приводимую информацию; бывает, что первоисточник не назван, но Глика сам выясняет его и обращается к нему за дополнениями.

Хотя *Шестоднев* Василия Кесарийского - основной источник для рассказа о днях творения, во многих случаях причины явлений, представленные там, не устраивают Глику, и он обращается к научным источникам, заменяя идею божественного промысла естественным объяснением. Вместе с тем, подспудная зависимость от *Шестоднева* ощущается в Гликином тексте почти всегда, и цитаты из Василия неожиданно возникают в его тексте, когда он использует другие сочинения.

На основании сравнения некоторых отрывков шестодневной части со схожими эпизодами из *Богословских писем* автора мы делаем вывод о том, что *Письма* нельзя признать предшественником *Хроники*. Мы предполагаем, что автором велась подготовительная работа, он делал выписки из различных сочинений, а затем по-разному использовал их в своих текстах.

Глика соединяет в рамках своего повествования тексты разной природы и разных жанров, при этом черты жанра словно нивелируются. Соединение

отрывков, принадлежащих разным дискурсам, сочетание чуждых друг другу элементов - приводят к переосмыслению самих явлений, упомянутых в источниках Глики.

Подробный анализ текста дал возможность выделить места, где Глика говорит собственным голосом без опоры на источник. Такое происходит, когда хронист освещает важные для него темы, например, тему астрологии. Сравнение с Письмами показало, что, вопреки мнению П.Магдалино, отношение автора к гаданию по звездам было всегда негативным и не менялось с течением времени.

Важный для автора вопрос о форме земли и неба вынуждает его не только говорить самостоятельно, но и не соглашаться с Иоанном Златоустом, а также привлекать экзотические сведения неизвестного происхождения для доказательства своей правоты.

Отдельно рассматривается вопрос о том, когда и почему Глика упоминает или опускает имена авторов своих источников. Иногда он упоминает не цитируя, а иногда наоборот – цитирует не упоминая. Этот анализ позволяет взглянуть на некоторые аспекты интеллектуальной атмосферы XII в.

Рассмотрение в совокупности исторической и шестодневной частей *Хроники* дает возможность по-новому поставить вопрос о природе жанра данного сочинения. *Хроника* - это всего лишь форма изложения, тогда как содержание обличает в Глике не столько историка по призванию, сколько энциклопедиста. Его труд – сборник всевозможных знаний, подчерпнутых из сочинений самых разных жанров и адаптированных для широкого читателя. Рассказы о животных и полуанекдотические истории римских императоров на равных присутствуют в Гликином сборнике, где соблюден необходимый баланс познавательности, увлекательности и назидания, ориентированный на любого современника, умеющего читать. Этот вывод, который некоторые исследователи делали раньше на основании общего знакомства с *Хроникой*, теперь может быть подтвержден на «микроуровне», благодаря по-мотивному, а иногда и по-фразовому анализу Гликиного текста. *Всемирная Хроника* может

быть поставлена в более широкий контекст Комниновской культуры: похожие черты характерны, скажем, для сочинений Иоанна Цеца. Впрочем, создание общей панорамы «массовой литературы» XII в. – дело будущего, и данная работа может составить лишь подготовительный материал для такого синтеза.

Публикации по теме диссертации:

Публикации в периодических изданиях, включенных в список ВАК:

1) Михаил Глика – читатель Аристотеля // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М.Тронского. 20-22 июня 2011 г.* СПб. 2011, 254-263

2) "Шестоднев" Василия Великого среди источников "Хроники" Михаила Глики // *Византийский Временник* 69. 2010, 187-201

Прочие публикации:

3) New Features in the Image of Constantine the Great in Mid- and Late Byzantine Period // *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies, Sofia 22-27 august 2011* Sofia. 2011, vol.3, 147

4) Научные знания и христианские наставления в рассказе о днях творения в Хронике Михаила Глики // *Материалы XV Международной конференции «Ломоносов»*, М. 2008, 287-290

5) Почему полип не может поменять цвет на белый: способ работы Михаила Глики с источниками // *Тезисы XI Межвузовской научной конференции студентов филологов*, СПб. 2008, 3-4

6) Раннехристианская история в хронике Михаила Глики: проблема источников // *Материалы XIV Международной конференции «Ломоносов»*, М. 2007